

СТАРИЧЕНОК В. Д.

О ГИПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СТРУКТУРЕ ПОЛИСЕМАНТА

(На материале белорусских говоров)

Семантическая структура слова представляет собой единство взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Эти элементы связываются между собой самыми разнообразными отношениями (эпидигматическими, параллельными, гипонимическими). Гипонимические (гипо-гиперонимические, родо-видовые, категориально-спецификационные, эксклюзивно-инклюзивные [1, 2]) отношения, широко представленные в народных говорах, еще недостаточно полно освещены в лингвистической литературе. Чаще всего они рассматриваются при анализе определений лексических значений в толковых словарях, используются как способ организации материала при построении тезаурусов и информационно-поисковых систем, приводятся в качестве иллюстраций определенного типа системных отношений в лексике, анализируются в связи с другими проблемами (чаще в синонимическом ряду или в сопоставлении с антонимией и синонимией [3—11]) и почти не рассматриваются в рамках семантической структуры полисеманта.

В предлагаемой статье анализу подвергаются гипонимические отношения, обнаруживаемые между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) в структуре полисеманта, так называемые внутренние гипонимические отношения (в противоположность внешней гипонимии, проявляемой между различными лексическими единицами), которые представляют собой одну из типологических разновидностей полисемии. Исследование проводится как в относительно небольших диалектных континуумах, так и в рамках диалектного языка — полисистемы, которая включает в себя множество частных диалектных систем, не сводимых в итоге к их сумме, и объединяет общенародные элементы с локализмами различного происхождения и различных временных срезов [12—17]. Моделирование диалектного языка представляется реальным в силу действия на всей исследуемой территории общих тенденций семантического развития, обусловленных структурой и генетической близостью частных диалектных систем, общностью их исторического развития и функционирования в условиях взаимодействия друг с другом и литературным языком, интеграционными процессами в экстралингвистической реальности и другими причинами [12, 15—16, 18—20]. Материалом для исследования послужили данные множества словарей белорусской диалектной лексики, картотеки Лексического атласа белорусских народных говоров и собственных записей, сделанных во время диалектологических экспедиций 1977—1983 гг.

Гипонимическая связь между ЛСВ основывается на включении, подчинении вида роду, частного общему, низшего высшему (при эпидигматическом и параллельном развитии ЛСВ на первый план выдвигаются производность, зависимость или же равноправность вторичного и исходного ЛСВ). Структуры полисемантов с гипонимическими отношениями в народных говорах чаще всего бивариантны, в диалектном языке — это, как правило, поливариантная единица. Один из ингредиентов таких структур имеет более обобщенное (родовое, инклюзивное, гиперонимическое), другой (или другие) — более узкое (специальное, видовое, эксклюзивное, гипонимическое) значение. Схематически этот вид отношений был бы изображен в виде кругов, включенных один в другой (включенной дистри-

буции), или в виде разновидностей формулы $(R + V) \supset R$, $R + (V_1 + V_2) \supset R$, $R + (V_1 + V_2 + V_3) \supset R$, где R — семантическое содержание родового ЛСВ (гиперонима), V — дополнительное семантическое содержание видового ЛСВ (гипонима), $\supset$ — знак включения [21; 5, с. 8].

Существенно не отличаясь качественными характеристиками, эти формулы в большей степени различаются количественно, что обусловлено шириной диапазона денотативной соотнесенности единиц, включающихся в гипонимические отношения, а также принадлежностью этой единицы к определенной тематической группе. Качественные же различия касаются не формулы в целом, а отношений, возникающих внутри формулы между отдельными гипонимами. Эти отношения могут дополняться семантическими связями по сходству формы, объему, функции и пр., что усиливает прочность их сцепления в структуре слова [22], или же могут быть эквивалентными (равноправными) и касаться частичной денотативной вариативности (сами гипонимы в этом случае называются эквонимами [23; 5, с. 8] или же согипонимами [11, с. 81]). Формула эквивалентных отношений получит следующее выражение: $(R + V_1) \cap (R + V_2) \cap (R + V_3)$, где знак $\cap$ выражает перекрещивание, пересечение, частичное совмещение. Изобразив эквивалентные (resp. эквонимические, согипонимические) отношения схематически, можно построить геометрическую модель в виде нескольких пересекающихся кругов, вписанных в комбинации треугольников (интерпретация этой модели последовательно изложена в книге А. К. Алекперова [24]).

В ряде случаев гипонимическая модель представляет собой многоступенчатую (или цепочную) структуру. Один ее ингредиент (гипероним) является родовым по отношению к гипониму, который в свою очередь включает менее объемные единицы (гипонимы второй степени). Такое соотношение ЛСВ дает реальную возможность последовательного детализирования классов и подклассов лексических единиц и подробной классификации [11, с. 81].

Смысловые преобразования по гипонимической формуле обнаруживаются, как правило, в пределах одной и той же тематической группы, что является почти обязательным условием при такого рода отношениях. Состав тематических групп, довольно пестрый и разнообразный, более наглядно мог бы быть представлен в виде таблицы, отражающей гиперонимические и гипонимические ЛСВ и характер их дополнительного соотношения. Из-за ограничения объема статьи приведем лишь некоторые примеры такой таблицы:

1. П о с у д а, е м к о с т и: гродн., мог. *сўдзіна* «деревянная посуда»; большая кадка из клепок; кадка для зерна» (Стец., III; Бельк.), гродн. *пляшка* «бутылка; плоская посуда для питья» (Стец., III), полоц., брест., гродн. *барэлка* «бочка; бочка с двумя днами» (СП);

2. П о м е щ е н и я: гродн., брест., вит., мог. *бўда* «помещение вообще (обычно временное); будка для собаки; шалап; крытый возок; крытый кузов телеги; будка, где хранится картофель» (Стецк.; Касп.; СП; Янк., II; Стец., III), мог. *пакбі* «вообще большой богатый дом с множеством комнат; панский дом» (Янк., II);

3. О д е ж д а: гродн., брест., мин., полоц. *плáцце* «общее название одежды; белье; платье» (СП; МС; Бельк.; Стецк.; ЛП; Юрч., I), мин. *капóта* «одежда вообще; верхняя женская одежда свободного покроя» (ММГ, I), полес. *спадніца* «общее название для юбки; нижняя плотная юбка» (ЛП), гродн. *адзённые* «одежда; белье» (СП);

4. Ч е л о в е к: мин., гом. *чалавёк* «человек; муж» (Шат.; Бельк.), мог. *цётка* «женщина; сестра отца или матери» (Бельк.), мог. *дзядзька* «старший, более взрослый мужчина; брат отца или матери» (Бельк.), мин., гродн., полоц. *дзёўка* «девушка; служанка» (СП), гродн., полоц. *дзяціок* «парень вообще; старый холостяк» (СП; Касп.);

5. Ж и в о т н ы е: гом. *тавір* «скот (вообще); корова» (ЗНС), гродн. *жывіна* «живое существо; животное» (ЖС; СП);

6. Г р и б ы: гом., мог., полоц., гродн. *казяк* «общее название грибов, кроме боровика; масленок» (СП; ЖС; МС), гом. *сойяк* «общее название гри-

бов, кроме боровика; подосиновик» (ЖС), мин. *добры гриб* «общее название съедобных грибов; боровик» (НСл.), мин. *пляха* «общее название старых грибов; очень большой боровик» (НСл.), мин. *жаўцяк* «общее название старых сушеных грибов желтоватого цвета; желтый боровик; моховик» (НСл.);

7. Транспортные средства: общ. *воз* «телега (вообще); телега для перевозки бревен, леса; телега для перевозки сена, соломы; телега с ящиком», общ. *сані* «сани вообще; сани-розвальни; выездные сани»;

8. Пища: мин., полоц. *стра́ва* «вареная пища; разновидность кушаний» (СП), полес. *боршч* «общее название жидкого кушанья; жидкое кушанье из капусты и свеклы; жидкое кушанье из свеклы или ботвы» (ЛП), полес. *варёнки* «общее название супа; картофельный суп» (ЛП);

9. Зерно: мог., мин., гродн., брест. *пашня́* «общее название зерновых культур (зерно); вид (сорт) зерновых культур» (СП; НС) и др.

Отношения между ЛСВ в структуре полисеманта, как это видно из примеров, основываются на самых разнообразных противопоставлениях. В тематической группе «посуда, емкости» гиперонимическим ЛСВ является наименование посуды вообще без указания каких-либо ее дифференциальных и отличительных признаков. Гипонимические же ЛСВ как раз и выдвигают на передний план эти отличительные признаки (формы, материала изготовления, конструкции, назначения), акцентируя на них внимание и наслаивая их на гиперонимический ЛСВ. Благодаря целостности семантики гиперонимического ЛСВ, его высокому уровню обобщения (об обобщающей функции слова здесь мы только упоминаем) не наблюдается разрыва семантического единства слова. Возникают гипо-гиперонимические отношения, допускающие параллельное сосуществование общего и частного в единой структуре слова. Подобного рода отношения наблюдаются, как правило, у полисемантов с предметной (референтной), реже — понятийной (сигнификативной) соотносительностью. Так, для тематических групп «помещения», «транспортные средства», «одежда» признаками, противопоставляющими ЛСВ, служат специализация, назначение, строение, вид, конструктивные особенности реалии. В группе «человек» дифференциальными семантическими признаками противопоставления являются положение человека в обществе, его профессия, возраст, пол, родственные отношения, семейное положение, в группе «грибы» — качество гриба, его размер, цвет, в группе «пища» — качество пищи, ее консистенция и разновидности, зависящие от входящих в нее компонентов.

Довольно многочисленную группу составляют полисеманты, характеризующиеся широкой сетью гипонимических ЛСВ (они соотносятся с большим количеством денотатов, нижний предел которых, по существу, является открытым), их экспансией, притяжением в сферу действия других тематических групп, осложнением качественно-количественными, пространственными, цветовыми и другого рода отношениями. Содержательные связи ЛСВ в этом случае выходят за пределы гипонимии, включаясь в преобразовательный процесс специализации (детализации) и становясь, таким образом, синкретическими. Например, полоц., гродн., мин. *ля́ска* «кий, палка; вертикальная палка в плетне; горизонтальная жердь ограды; планка в кузове телеги; планка в верше» (СП), брест. *во́локы* «все, что цепляется за ноги при ходьбе; остатки зерновых на поле, которые цепляются за ноги жнице» (ЗНС), мог. *жы́гала* «все, что печет, колется; жало» (Мат. мог.), полоц., мин., гродн. *гра́нка* «про множество чего-либо, расположенного кучно; гроздь; куст лука, картофеля; соты» (НЛ; СП; Шатал.), мог. *пльо́йма* «множество, большое количество; детвора» (Бельк.), гродн. *зеля́ніна* «зелень (вообще); ветви кустов» (СП), мин. *со́пуха* «про что-либо очень черное; сажа» (НСл.) и мн. др.

Такого рода широкая денотативная соотносительность обусловлена абстрагированным, максимально обобщенным характером гиперонимического ЛСВ, благодаря чему слово становится полиденотативным. Суть полиденотативности заключается не в количестве обозначаемых полисемантом денотатов (в таком случае это явление было бы тождественно полисемии), а в отсутствии нижней границы денотативной вариативности, в не-

замкнутости, открытости системы и общности сигнификативной основы. По тиденотативности близка эврисемии (или широкозначности), развивающейся в результате абстрагирования, отвлечения от конкретных свойств первичных денотатов и получающей конкретизацию, известное сужение (но не изменение или элиминацию) в контексте (отличительной синтагматической особенностью ее является полифункциональность) [25—31].

Одним из проявлений эврисемии является фиксация в дефиниции словарной статьи при гиперонимическом ЛСВ пояснений и уточнений типа «общее название», «вообще» (см. ниже «помещение вообще», «общее название одежды», «одежда вообще», «общее название съедобных грибов», «общее название старых грибов», «общее название жидкого кушанья», «общее название зерновых культур»). Значительно реже такого рода уточнения употребляются при гипонимическом ЛСВ (см. «вид (сорт) зерновых культур», «разновидность кушаний»). Соотношение гипонимического и гиперонимического ЛСВ в таких случаях является ярко выраженным, материализованным. Гиперонимический ЛСВ в структуре полисеманта может не фиксироваться вообще. Формально не выражаясь, такой ЛСВ присутствует в структуре полисеманта лишь имплицитно, что обусловлено характером подачи материала в словарях, их типом и объемом, особенностями лексикографического метаязыка, способами и приемами описания семантической структуры слова. В этом случае гипонимические отношения затмеваются, становясь нечеткими, невыразительными. Яркая выраженность гипонимических отношений или их имплицитность в каждом диалектном континууме проявляется по-разному: носителям говора могут быть известны все ЛСВ или только какая-то их часть (в последнем случае гипонимические отношения вообще утрачиваются); один из ЛСВ может восприниматься со стилистической или коннотативной окраской, второй — нейтрально; различия могут касаться диахронического среза, стратификационной вариативности, интерференционных процессов и пр.

Развитие гипонимических отношений может осуществляться в двух направлениях: от гипонима к гиперониму и наоборот. Обязательным условием первого направления является широкое контекстное употребление гипонима, постепенное расширение его семантического объема и превращение частной денотативной соотнесенности в общую, абстрагирование, отвлечение от индивидуальных особенностей денотата, их нейтрализация и, как результат этого, преобладание сигнификативного содержания над денотативным (конечным пределом такого развития является возникновение понятия). Второе направление — это развитие эксклюзивной связи, сужение (свертывание) семантики гиперонимического ЛСВ, его конкретизация (детализация), которая осуществляется в зависимости от конкретного употребления лексической единицы, ее сочетаемости и контекстных условий. Конкретизация — это не появление качественно новой единицы, не разрыв семантических связей с исходным ЛСВ, а одно из применений (употреблений) гиперонимического ЛСВ, его конкретная реализация, приспособленная к коммуникативным функциям. При конкретизации на передний план выдвигаются разнообразные признаки денотата. Актуализироваться же в говорах могут как существенные, так и несущественные признаки, что в общем-то нерелевантно для гипонимического противопоставления (это более важно при анализе эквонимических отношений). В отдельных случаях гипонимический ЛСВ может становиться терминологически закрепленным. Процесс детализации (специализации) ЛСВ обусловлен и спецификой диалектной лексики, прежде всего действием в говорах тенденции к лексической (resp. семантической) дифференциации, которая на современном этапе развития диалектных систем начинает уступать место тенденции к интеграции (а это способствует развитию гиперонимического ЛСВ).

Пространственный фактор, осложняющий гипонимические отношения, вносит заметные коррективы в семантическую структуру полисеманта. В различных координатах лингвистического пространства могут наблюдаться различные результаты гипонимической вариативности (вплоть до ее аннулирования), что в свою очередь свидетельствует о различии (или

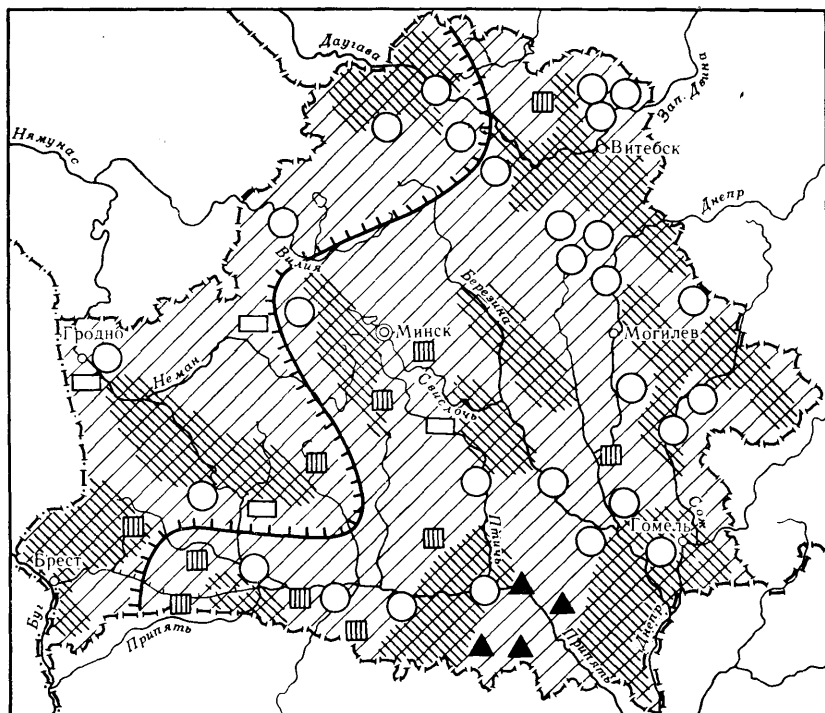
близости) диалектных континуумов. Статус ЛСВ (гипонимического или гиперонимического) может не совпадать не только в различных говорах, но и у разных носителей одного говора. В некоторых случаях гиперонимический ЛСВ присутствует лишь имплицитно, формально не выражаясь, а то и вообще отсутствует. Пропуск отдельного звена гипонимического развития в определенном говоре обусловлен присутствием в нем другой лексической единицы, заменяющей родовой ЛСВ. Отсутствие одного из компонентов гипонимического противопоставления в отдельном говоре способствует преобразованию полной гипонимии в неполную (усеченную) или ее утрате. Гипонимические отношения в таком случае реализуются в широком лингвистическом ареале или диалектном языке вообще (гиперонимический и гипонимический ЛСВ фиксируются в различных, часто территориально не связанных говорах).

Гипонимические отношения в структуре диалектного языка и частных диалектных системах изоморфны по своему устройству, универсальны по характеру проявления. Различия, обусловленные территориальным фактором, касаются в основном количественных характеристик и возникающих при этом качественных вариаций эквонимических ЛСВ (ведь каждый ЛСВ характеризуется своего рода уникальностью и неповторимостью, ибо он отражает объективный мир, где практически отсутствует абсолютная дублетность и повторяемость).

Наиболее же распространенной эксплицитной формой гипонимии в диалектном языке является структура полисеманта, гиперонимический ЛСВ которой охватывает всю исследуемую территорию, а гипонимические ЛСВ локализируются в различных ее участках. Гипероним является как бы общим фоном, в различных ареалах которого происходит специализация (конкретизация) его семантики. Сам процесс семантического преобразования гиперонима в отдельных континуумах первоначально осуществляется в рамках относительно небольшого количества носителей говоров, где только намечаются отдельные семантические сдвиги. На дальнейшее развитие потенциальных возможностей ЛСВ оказывают влияние прежде всего частота его употребления, контекст, дистрибутивные свойства и различного рода экстралингвистические факторы. Постепенно расширяется сфера употребления специализированного ЛСВ, он закрепляется в узусе и получает широкие возможности для дальнейших семантических трансформаций и пространственного развития. Специфичность преломления гиперонимического ЛСВ в различных координатах лингвистического пространства, заключающаяся в преобразованиях прежде всего качественнoго характера (изменении денотативной основы, приобретении ЛСВ коннотативного содержания, совмещении различных временных срезов, наличии культурно-этнического компонента), ведет к росту ЛСВ, увеличивает семантическую парадигму слова. Шкала этой парадигмы, расположение на ней ЛСВ (периферийное, центральное или срединное), их статус, ареальная проекция, структура, характер взаимообусловленности при общей зависимости от гиперонимического ЛСВ отражают семантическую эволюцию слова, амплитуду его семантических колебаний. Например, на шкале семантической парадигмы полисеманта *луг* располагается 6 ЛСВ, исключая гиперонимический ЛСВ «луг вообще», присутствующий реально или потенциально в каждом из участков шкалы (она обозначена непрерывной линией):

Первый ЛСВ «суходольный луг» занимает крайнее левое положение в общей цепи семантического развития. Его же пространственная проекция свидетельствует о наиболее широкой распространенности (см. карту). Второй ЛСВ «заливной луг, затапливаемый в весеннее время и высыхаемый летом» распространен на значительной территории говоров (более компактные ареалы сосредоточены в восточной части белорусских гово-

Условные обозначения: 1 — луг вообще; 2 — суходольный луг; 3 — заливной луг; 4 — мокрый луг; 5 — низкое заболоченное место с кустами; 6 — болото; 7 — небольшой природный водоем.

ров), являясь как бы связующим звеном между первым и третьим ЛСВ. Одна из его семных частей — «высыхаемость» — присутствует в первом ЛСВ, вторая часть — «затапливаемость» — в третьем ЛСВ. Третий ЛСВ «мокрый луг» занимает относительно небольшой ареал в гомельских говорах. В четвертом ЛСВ «низкое заболоченное место с кустами» наблюдается усложнение его семантической части, приводимое к качественному изменению денотативной основы и затмеванию гипонимических отношений, которые уже перестают ощущаться в пятом ЛСВ «болото». Последний ЛСВ «небольшой природный водоем» является пределом семантического развития слова, его нижней границей. Он максимально удален от первого ЛСВ, связан с ним через посредничество пятого ЛСВ, хотя распространен на значительной территории западных белорусских говоров. Точка четвертого ЛСВ на этой шкале рассматривается в качестве условной границы действия гипонимических отношений; последующие точки указывают на протяженность и непрерывность семантического развития.

Направление пространственного развития семантики слова обусловлено характером преломления гиперонимического ЛСВ в каждом континууме и общественными условиями, в которых происходит это преломление, географией дистрибуции ЛСВ, его семантической нагрузкой и частотой употребления, своеобразием лексической системы говоров, наличием в них контактных зон (для белорусских говоров это белорусско-польская, белорусско-литовская, белорусско-латышская, белорусско-русская, белорусско-украинская), полилингвальных регионов, влиянием литературного языка, дескриптивностью полисеманта и его ЛСВ, изменением состава носителей говоров и другими причинами. В зависимости от преобладания той или иной причины в диалектном языке наблюдается, с одной стороны, большое количество сложных структур, распределяющих свои элементы в разной степени по различным диалектным континуумам, с другой, — не менее численное количество бивариантных структур, ха-

рактизирующихся локальной прикрепленностью и эксплицитностью гипонимических отношений. Лингвистическая карта проявляет такие структуры нечеткими по конфигурации, расплывчатыми ареалами (часто они характеризуются прерванностью и ненаполненностью), а также множеством мелких, локально ограниченных ареалов (причем они редко совпадают с границами диалектного членения по лексическим, фонетическим и морфологическим признакам), что в целом усложняет лингвистический ландшафт исследуемой территории (см. карту).

Таким образом, внутренняя гипонимия является одним из универсальных типов семантических отношений в лексике и связана в целом с логикой человеческого мышления [32—33], его обобщающей и классифицирующей функцией. Движущей силой развития внутренней гипонимии является тенденция к преодолению асимметричности языка, заключающейся в отсутствии в определенных говорах родового обозначения для видовых понятий (эта лакуна восполняется не появлением новой лексической единицы, а совмещением в одном слове гипонимического и гиперонимического значений) [33]. Являясь результатом закономерного семантического развития, регулируемого общественными потребностями, и характеризуясь универсальностью своего проявления, гипонимические отношения по-разному преломляются в каждом диалектном континууме и в разных лексико-тематических группах. Пространственная проекция показывает многообразие существующих в говорах преобразований гипонимической формулы, ее специфичность в различных координатах исследуемой территории, эксплицитность или имплицитность гипонимических отношений, направление качественного развития и количественного роста ЛСВ, амплитуду их колебаний, соотношение ЛСВ в структуре слова, их подвижность и характер взаимодействия в системе диалектного языка, что обусловлено целым комплексом причин как экстралингвистического (денотативной соотносительностью, стратификационной вариативностью, изменением социального состава носителей говоров, этноэтническим показателем, общественно-социальным контекстом), так и интралингвистического (специфичностью лексической системы отдельных говоров, влиянием литературного языка, дистрибутивными свойствами) характера.

ИСТОЧНИКИ

- Бельк. — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
ЖС — Жывое слова. Мінск, 1978.
ЗНС — 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975.
Засп. — *Каспаровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.
ЛП — Лексика Полесья. Матэрыялы для полескага дыялектнага слоўніка. М., 1968.
Мат. мог. — Матэрыялы да абласнога слоўніка. Магілёўшчыны. Мінск, 1981.
ММГ, I — Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Мінск, 1970.
МС — Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мінск, 1960.
НЛ — Народная лексіка. Мінск, 1977.
НС — Народнае слова. Мінск, 1976.
НСл. — Народная словатворчасць. Мінск, 1979.
СП — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. I — IV. Мінск, 1979—1984.
Степ., III — *Сцяцко П. У.* Народная лексіка і словаўтварэнне. Мінск, 1972.
Степк. — *Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Шат. — *Шатэ́рнік Н.* Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны. Мінск, 1929.
Шатад. — *Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
Юрч., I — *Юрчанка Г. Ф.* Дыялектны слоўнік (3 гаворак Месіслаўшчыны). Мінск, 1966.
Янк., II — *Янкоўскі Ф. М.* Дыялектны слоўнік, II. Мінск, 1960.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин М. В.* Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М., 1983, с. 29.
2. *Никитин М. В.* О содержательных связях значений в семантической структуре слова. — Уч. зап. Владимирск. госпедин-та, 1971, т. 36, вып. 6, с. 43.
3. *Матлина Г. А.* К вопросу о гипонимической группе. — В кн.: Семантика языковых единиц. Л., 1975.

4. Лебедева Л. Б. Типы семантических связей в современном английском языке (антонимия, синонимия, гипонимия): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1977.
5. Дяченко Л. Д. Гипонимия в системе английского глагола: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1976.
6. Банина Н. В., Шеремет Л. Г. Гипонимия как отражение системности в лексике. — В кн.: Слово в парадигматике и синтагматике (на материале германских языков). Саранск, 1984.
7. Макарова Л. И. О типологическом изучении гиперонимии в лексике. — В кн.: Тыпалогія славянскіх моў і ўзаемадзеянне славянскіх літаратур. Минск, 1977.
8. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982, с. 138, 241—242.
9. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980, с. 103—105, 115.
10. Уфимцева А. А. Лексика. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 414.
11. Лыскова М. В. Гипонимия как выражение родо-видовых отношений в лексике русского языка. — РЯШ, 1984. № 6.
12. Филин Ф. П. О так называемом «диалектном языке». ВЯ, 1981, № 2.
13. Калнынь Л. Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973.
14. Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М., 1982, с. 3—5.
15. Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 18—21.
16. Сороколетов Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
17. Назарова Т. В. Из наблюдений над междиалектными контактами (к понятию сопротивления системы). — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и сообщения. 1973, М., 1975, с. 98.
18. Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 3—11.
19. Горшкова К. В., Калнынь Л. Э. О некоторых вопросах теории диалектологии. — Вестник МГУ, сер. 9, 1984, № 6.
20. Клепикова Г. П. Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем. — В кн.: Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
21. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 89, 438—439.
22. Корованенко Т. А. Семантические основы выделения многозначных слов и омонимов в диалектном словаре (на материале Словаря брянских говоров). — В кн.: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980, с. 17.
23. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974, с. 39.
24. Алекперов А. К. Лексическая семантика простых глаголов в современном азербайджанском языке. Баку, 1983, с. 46—50.
25. Плоткин В. Я., Гросул Л. Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория. — В кн.: Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
26. Лебедева Л. Б. Функциональные особенности имен существительных широкой семантики. — В кн.: Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
27. Жукова Т. В. Об оправданности выделения широкого значения как особого типа лексических значений слова. — В кн.: Исследования по семантике русского языка. Уфа, 1979.
28. Колобаев В. К. О некоторых смежных явлениях в области лексики (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности). — ИЯШ, 1983, № 1.
29. Дианова Е. М. Взаимодействие лексико-семантических вариантов в семантической структуре слова (на примере английских существительных с широкой понятийной основой): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1979.
30. Джоламанова Б. Д. Имя существительное с широким значением в лексической системе современного английского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1978.
31. Феоктистова Н. Ф. Формирование семантической структуры слова (На материале древнеанглийских отвлеченных имен): Автореф. дис. на соискание уч. ст. док. филол. наук. Л., 1984, с. 11—14.
32. Общее языкознание. Минск, 1983, с. 192—194.
33. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистические исследования). Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 126.